

МНОГОМЕРНОЕ МЫШЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЛОЖНОСТНОСТИ

Статья опубликована в сборнике: Постнеклассическое знание и наследие И.Пригожина. Сборник по материалам Международной научно-практической конференции «Юбилейные пригожинские чтения» (10-13 сентября 2012 года) – Вып.10 (Том 1). – Одесса: Печатный дом», 2013, – 176 с. – С.24-38.

мы сами «внутри» этой сложности находимся
В.Аршинов

В последнее время термин *сложностность* (*complexity*) стал достаточно широко употребляться как в естественнонаучных, так и в социогуманитарных контекстах, что дает основание говорить о его формирующемся междисциплинарном статусе. *Сложностность* обнаруживает себя во многих сферах человеческой деятельности. В связи с отмеченным возникает целесообразность философского осмысления складывающихся представлений, формирования и развития специфического категориального аппарата, необходимого для описания *ситуации сложности*.

Развитие темы *сложностности* в самом широком ее звучании отражено в работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари (вторая книга двухтомника «Капитализм и шизофрения» - «Тысяча плато» [6]), во многих исследованиях Э. Морена, размышляющего о *комплексном мышлении*, в социологических работах Н. Лумана, именующего сложностность *комплексностью*.

При подготовке текста был проанализирован ряд публикаций В. И. Аршинова, В. Г. Буданова, П. К. Гречко, В. Е. Лепского, посвященных кругу проблем, возникающих в контексте актуализирующейся *сложностности*.

Когнитивная карта как методологический инструмент

На первый взгляд термин *когнитивная карта* носит достаточно прикладной характер и в философском дискурсе призван играть лишь роль метафоры, расширяющей дисциплинарный контекст. Однако можно попытаться показать, что когнитивную карту достаточно естественно рассматривать как эффективный познавательный инструмент, действующий в сложных исследовательских ситуациях.

Термин *когнитивная карта* был предложен в 1948 в работах американского психолога Э. Толмена. Использование когнитивных карт связано, как отмечается в справочных статьях, с методологией когнитивного моделирования, предназначенного для анализа и принятия решений в плохо определенных ситуациях. Эта методология активно развивалась американским политологом Робертом Аксельродом и основывалась на моделировании субъективных представлений экспертов о ситуации. В построении когнитивных карт обычно используются знаковые *орграфы* (или – ориентированные графы), с помощью которых указывается *путь* движения между элементами карты. Можно представить вариант немного усложненной когнитивной карты, а именно – карты *без* орграфов. С одной стороны, такая карта может показаться бессмысленной. С другой, элементы такой карты перестают быть жестко связанными изначально заданными способами соединения и оказываются лишь именованными. Тем самым каждый исследователь может предложить свой вариант их «сцепления», что существенно повышает разнообразие возможных оценок той или иной познавательной ситуации. Такую когнитивную карту естественно назвать *открытой, свободной* или *а – когнитивной картой*, подчеркивая тем самым ее изначальность или лучше – *изначальную потенциальность*. Важно подчеркнуть **рациональный** характер формирования

когнитивной карты, она всегда осознанно *создается* (воссоздается), а не является спонтанно формирующимся образованием.

Самым простым образом *открытую когнитивную карту* можно определить как открытое множество ключевых терминов, с помощью которых маркируется то или иное исследовательское пространство. При этом важно заметить, что те или иные термины, группы терминов могут, в свою очередь, быть связаны с достаточно независимыми исследовательскими подходами.

Один из вариантов открытой когнитивной карты рассмотрения *сложности* может быть представлен следующим терминологическим набором: *многомерность, многомерное мышление, сложный наблюдатель, конвергентные технологии, сложное мышление*. Рассмотрение любой когнитивной карты представляет собой, в первую очередь, последовательный анализ маркирующих ее элементов.

Многомерное мышление как путь к пониманию сложности

Прежде чем приступить к исследованию когнитивной карты *сложности* кажется целесообразным сделать небольшое отступление по поводу нашего понимания *многомерности* и *многомерного мышления*, ибо в контексте соответствующих представлений тема *сложности* получает особое звучание. Следует признать, что, несмотря на достаточно широкое употребление слова *многомерность* в естественнонаучных и социогуманитарных текстах реальное понимание его значения в настоящее время находится на самых первых стадиях формирования.

На наш взгляд, представления о многомерности стали актуализироваться в связи с фундаментальными трансформациями, произошедшими за последние пятьдесят лет с самим человеком. Именно поэтому многомерность достаточно естественно рассматривать как антропологический феномен. В человеке проявилась многомерность как результат фундаментальной трансформации всего его естества, и косвенным результатом этих изменений стало распространяющееся употребление слова *многомерность*. *Многомерный человек* получил возможность обнаружения, различения *многомерности* в окружающем мире. Можно даже проследить отдельные этапы многомерностной актуализации.

Первое важнейшее трансформирующее начало, стимулировавшее актуализацию многомерности, было связано с *допущением* возможности усложнения рассматриваемых объектов, переосмыслением идей классического редукционизма. Своеобразным результатом оказалось постструктуралистское принятие и поощрение *плюральности*. Эту плюральность даже пытались называть *многомерностью*, но использование нового термина не принесло главного результата – продвижения по пути понимания причин разрастающейся множественности. Обнаруживающийся плюральный мир во многом способствовал актуализации многомерного человека.

Если задаться целью создания когнитивной карты пространства исследования *многомерности*, то первый элемент, маркирующий это пространство, есть *плюральность* (множественность).

В качестве следующего термина-маркера достаточно естественно рассматривать *смысл*. В XX веке *смысл* оказался в ряду важнейших объектов философской рефлексии. Многочисленные исследования смысла во многом стимулировались фундаментальным попыткам выявления его природы, представленными в работах П.Флоренского, Э.Гуссерля, А.Ф.Лосева. *Смыслами* распаковываются *мысли*. Смыслами складываются *сути*. Работая со смыслами, человек, фактически, развивает мышление. В результате продумывания возможных практик оперирования смыслами, нами был введен ряд новых обозначений. Во-первых, само выражение *смыслооперационные практики*. Этим выражением естественно обозначать всевозможные практики оперирования смыслом. В настоящее время есть основания для различения четырех смыслооперационных практик – *смыслопроявления, смыслопрояснения, смыслозакрепления, смыслоупотребления* (более подробно каждая из этих практик представлена в монографии [5]).

Прояснение тех или иных смыслооперационных практик позволяет повысить общий уровень различающих способностей познающего субъекта. В частности, появляется возможность введения представлений о *локальных пространствах смысла*.

Локальное пространство смыслов является ключевым элементом практики многомерного мышления и, на наш взгляд, весьма значимо для осмысления *сложности*.

Создание локального пространства смыслов является обязательным условием осуществления любой познавательной деятельности. Важнейшим условием формирования локального пространства смыслов является фиксация *терминологического базиса*, понимаемого как набор ключевых терминов для данного пространства, значения которых являются достаточно проясненными. Эти термины используются в последующих процессах экспликации смыслов. *Терминологический базис* иначе можно определить как *ключевую связку* слов, с помощью которых развивается соответствующее локальное пространство смыслов. Слова терминологического базиса, в некотором смысле, выполняют роль параметров порядка для процессов самоорганизации этого пространства.

Достаточно интересно соотнести *терминологический базис* локального пространства смыслов и совокупность *слов-маркеров*, формирующих когнитивную карту. Главное отличие двух отмеченных терминологических совокупностей состоит в том, что когнитивная карта образуется как результат работы с целым рядом различных локальных смысловых пространств, развиваемых отдельными авторами, в то время как терминологический базис характеризует конкретное локальное пространство смыслов.

В процедуре формирования терминологических базисов вполне очевидно проявление редукционизма, ибо реальное число терминов, участвующих в обнаружении и экспликации смыслов всегда значительно больше, чем количество терминов, зафиксированных в терминологическом базисе. Редукционизм, используемый в данном случае, точнее было бы назвать «спонтанным редукционизмом» (этот термин употребляется В.И. Аршиновым). При этом следует добавить: *спонтанный редукционизм* это не *случайный редукционизм*. Опять же, по словам В.И. Аршинова, спонтанный редукционизм - результат сложных когнитивных действий субъекта, результат действия принципа П.Кюри для среды, субъекта и объекта.

С помощью представлений о *локальных пространствах смысла* появляется возможность элементарного прояснения многомерных мыслительных актов. В самом общем виде *многомерное мышление* можно определить как способность когнитивного субъекта одновременно удерживать в открытом состоянии *несколько* локальных смысловых пространств, не смешивая их. Подобная практика позволяет реализовывать *многоакурсное* видение, результатом которого является обнаружение новых смыслов. Эти смыслы эксплицируются в **авторском** локальном смысловом пространстве.

Работу с локальным пространством смысла можно рассматривать как создание сменяющих друг друга, как бы «мерцающих» терминологических базисов. В результате этого мгновенного, спонтанного соотнесения формируется некий когнитивный гештальт, образование которого связано, скорее всего, с функционированием глубин подсознания.

Зафиксированные представления о локальных пространствах смыслов формировались под очевидным влиянием развивавшейся синергетической традиции. Саму синергетику Г.Хакен понимал как междисциплинарную исследовательскую область, «которая имеет дело с системами, составленными из многих подсистем. Посредством взаимодействия подсистемы могут спонтанно воспроизводить пространственные, временные или функциональные структуры. Синергетика фокусирует свое внимание на ситуациях, в которых развиваются новые структуры» (цит. по [3]). Локальные пространства смыслов, спонтанно объединяясь в глобальные смысловые пространства, как раз и дают возможность обнаружения новых смысловых структур.

К сожалению, цель и задачи данной публикации не позволяют останавливаться более подробно на прояснениях многомерных мыслительных практик. Этой теме посвящена монография [5] и целый ряд публикаций.

Для дальнейшего рассмотрения когнитивной карты *сложностности* необходимо, пусть даже в самом конспективном виде, осветить складывающиеся представления о *многомерности*.

На наш взгляд, в размышлениях о многомерности следует различать *многомерность первого* и *второго* рода. *Многомерность первого рода* связана с онтологической уровневостью. Каждому уровню соответствует своя особая мерность. Что же касается *многомерности второго рода*, то она проявляется в рамках одного онтологического уровня и является своеобразной проекцией различных онтологических уровней, обладающих собственной мерностью, на тот или иной онтологический уровень. Многомерность второго рода при самом первом различении проявляется плюральностью, хотя что далеко не всякая плюральность является многомерностью второго рода.

Сложностность (complexity)

Прояснение феномена *сложностности* хочется начать с упоминания о *технологической конвергенции*, которая является отличительной чертой современности и часто обозначается аббревиатурой *NBIC конвергенция* (по первым буквам областей: *N*-нано; *B*-био; *I*-инфо; *C*-когно). Достаточно естественно задать вопрос: насколько отмеченная конвергенция затрагивает область философских исследований? Даже элементарные поиски ответа приводят к неожиданным выводам. То, что сегодня считается прерогативой нанотехнологий, а именно - оперирование с помощью специальных приборов небольшим количеством атомов или даже отдельными атомами с целью получения новых физических свойств тех или иных материалов, является, по сути, достаточно широко распространенной философской практикой. Философы работают не только со словом, с сочетаниями привычных слов, но и с отдельными буквами внутри слов, что становится подобным работе с отдельными атомами вещества. Философы не только обнаруживают с помощью привычных слов новые смыслы, но и изобретают новые слова, иногда - с помощью мельчайших буквенных перестановок, вставок. Появление в нынешнем культурном русскоязычном лексиконе термина *сложностность* наряду с употреблением слова *сложность*, является типичным примером подобного рода «нанотехнологических» практик. Понятия *сложностность* и *сложность* являются словами, маркирующими достаточно различные явления.

Наиболее широкое распространение термин *сложностность (complexity)* получил в современной информатике в рамках *computer science*, именно так называют соответствующую дисциплину в США. Метафизический ракурс обозрения сложностности зафиксирован в работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Социологическая интерпретация сложностности (*комплексности*) связана с исследованиями Н. Лумана. Одновременно термин *сложностность* стал активно использоваться в синергетике, при изучении систем, находящихся в состоянии большой неопределенности, хаоса, в состояниях становления. И именно в рамках синергетики в понимании *сложностность* начали обнаруживать нечто принципиально новое, отличное от сложившегося понимания *сложности*.

В своем изначалье традиционная синергетика или, как сейчас говорят *синергетика первого рода* (В. И. Аршинов) работала со сложными открытыми нелинейными системами, находящимися в сильно неравновесных состояниях. Фактически это были *неорганические сложные системы*. Когда же возникла мысль о том, что методологический аппарат синергетики возможно перенести на изучение систем, в формировании которых активное участие принимает человек, тогда возник термин, введенный В.А.Степиным – *человекомерные системы*. Человекомерные системы, несомненно, сложные, но в них есть **что-то сверх того**, что во многом предопределило появление нового термина.

Активно развивающаяся в настоящее время область *social complexity* работает с человекомерными системами. Введение нового термина предполагало необходимость

фундаментальных переосмыслений, которые осуществлялись на фоне еще одной активно развивающейся в синергетике темы, а именно, темы особенностей *синергетического субъекта* и его отношений с объектом исследовательского внимания.

В качестве ключевых терминов когнитивной карты **сложностности** достаточно естественно зафиксировать термины *кластер*, *сложностностная когнитивная ситуация*, *сложностный субъект*. Отмеченные термины настолько тесно переплетены, что эффективным кажется их совместное рассмотрение. В своей совокупности они образуют нечто подобное *когнитивному кластеру*.

Кластер

Термин *кластер* обрел широкое употребление в современной литературе, связанной с исследованиями сложностных систем. В Оксфордском толковом словаре по психологии отмечается, что в факторном анализе под кластером понимают группу переменных, имеющих корреляции друг с другом большие, чем с другими переменными. В более общем смысле кластером может быть названа любая группа объектов или явлений, которые субъективно воспринимаются как принадлежащие одному классу, составляющие естественную группу [8]. Чтобы более широко представить возможности употребления слова кластер целесообразно упомянуть о *креативных кластерах*. Специалисты, исследующие процессы жизнедеятельности современных мегаполисов отмечают, что в развитии мегаполисов особая роль принадлежит именно *креативным кластерам*, представляющим собой тесно взаимодействующие креативные группы людей. Креативные кластеры как-бы «раскачивают» всю систему городской среды. Именно отсюда возникает мысль об эффективности пусть даже искусственного создания и внедрения в жизнь городов *креативных кластеров*, которые могут изменить будущее развития этой системы. *Креативные кластеры* подобны *нанокластерам*, понимаемым как некая конфигурация атомов, обладающих определенными квантовыми свойствами (квантовые проволоки, квантовые стенки...). Из нанокластеров можно целенаправленно конструировать материалы с новыми свойствами. Я.И. Свирский выделяет два принципиально различных в методологическом плане способа наноконструирования: первый - получение требуемой архитектуры системы на наномасштабах путем складывания ее из атомов-«кирпичиков»; второй - путем выращивания. При этом во втором случае появляется проблема, связанная со способом темпорального управления процессом выращивания. В результате «можно говорить, по крайней мере, о «двух культурах нанотехнологии», причем каждая по-разному интерпретирует и материал, и силы» [6, с. 705].

Помимо *креативных кластеров* кажется достаточно эффективным введение представлений о *когнитивных кластерах*, способных играть особую роль в функционировании когнитивной карты, задавая тем самым условия для новых смыслопорождений. Когнитивные кластеры представляют собой группу особо близких терминов, входящих в когнитивную карту. Когнитивные кластеры выполняют своего рода управляющую функцию в процессах функционирования самой когнитивной карты, способствуют «подтягиванию» (выбору) и селекции новых терминов, наполняющих когнитивную карту.

Сложностностная когнитивная ситуация

Фундаментальные интуиции по поводу *усложняющейся сложности* (или, как говорит В.И.Аршинов «изошренной сложности») (serendipitous)) можно обнаружить уже в ставшем классическим тексте «Порядок из хаоса», написанном И.Пригожиным в соавторстве с И. Стенгерс. В самом начале работы авторы отмечают следующее: «Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности» [9, с. 34]. Тем самым отчасти уже освоенная и изученная *сложность* дополняется необходимостью введения представлений о *множественности* и *темпоральности*. Но главное, что отличает *сложность* от *усложняющейся сложности* (сложностности) состоит в том, что сложностность характеризует уже не систему, а саму познаваемую реальность, составляющую некое единое целое вместе с познающим

субъектом. Э. Морен по этому поводу замечает следующее: «Перед нами стоит проблема реальности – комплексной, проявляющейся во множестве форм, неопределенной, находящейся в процессе становления» [7, с. 91]. Сложность обнаруживается там, где имеет место непрерывная процессуальность. В этой связи представляет интерес точка зрения итальянского социолога Данило Дзоло: «Термин «сложность в том смысле, в каком я использую его при рассмотрении теоретических вопросов, не описывает объективные свойства естественных или социальных явлений. Не обозначает этот термин и сложные объекты, противопоставляемые простым объектам. Скорее, этот термин отсылает к когнитивным ситуациям, в которых оказываются субъекты – как индивиды, так и социальные группы» (цит. по [2]). И, пожалуй, наиболее ярко именно *когнитивная черта сложности* подчеркивается в работах Ж.Делеза и Ф.Гваттари. Французские мыслители манифестируют и демонстрируют элементы *сложностного мышления* в практике собственных размышлений. Я.И.Свирский, переводчик «Капитализма и шизофрении» на русский язык, отмечает, что *сложностное мышление*, развиваемое отмеченными авторами, ориентировано на «схватывание той динамики (часто именуемой термином «становление»), которая со все большей очевидностью проникает во все поры как социальной жизни, так и психического или физического существования человека» [689]. В текстах Делеза и Гваттари *сложностное мышление* связано с представлением о *плате*, на котором одномоментно представлены различные исследовательские линии, являющие собою сложную *ризоматическую* вязь, с представлениями о *плане констистенции*, *процессах сборки*, с помощью которых осуществляются мгновенные остановки сложностных мыслительных актов. Исследование сложностного мышления в том виде, в каком его понимают Делез и Гваттари, представляет собой отдельную чрезвычайно интересную и достаточно сложную работу, выполнение которой, несомненно, позволит более глубоко продвинуться в понимании *сложностности*.

Вышеотмеченное позволяет заключить, что важнейшей чертой *сложностной когнитивной ситуации* является ее принципиальная *процессуальность*, прерываемая спонтанными «сборками», осуществляемыми субъектом, включенным в саму познаваемую сложностность.

Сложностный субъект

К сожалению, терминологическое выражение *сложностный субъект* не является достаточно корректным, по причине того, что в своей сердцевине содержит все тот же термин *субъект*, подсознательно обращающий к представлениям о субъект-объектной дихотомии. Примером попыток отойти от представлений о *субъекте* в изучении сложности можно считать обращение к термину *наблюдатель*. Отто Реслер – американский физик, впервые предложивший идею рассмотрения *эндофизики* в качестве особой дисциплины, которая должна прийти на смену физике традиционной, пишет следующее: «наблюдатель должен быть включен в описание мира таким образом, что наблюдатель должен иметь модель себя. Эндофизика...фокусируется на модели наблюдателя. Тем самым она по самой своей сути саморефлексивна. В этом ее сущностное отличие от экзофизики» [цит. по 3] (более подробно эндофизическая тема развивалась в работах Е.Н.Князевой и В. А. Алюшина [1]). *Эндофизического наблюдателя* или -сложностного субъекта, включенного в процесс познания, отличают рекурсивность и рефлексивность. Этот субъект погружен, как отмечает В.И.Аршинов, в *рекурсивно организованное междисциплинарное поле постнеклассической науки*, становясь одновременно наблюдателем и участником сложности.

Российские исследователи, занимающиеся развитием синергетических идей, сегодня говорят о необходимости формирования *синергетики второго рода*, в которой в развитии сложных, открытых, сильнонеустойчивых динамических сред принимает активное участие *сложностный наблюдатель*:

«мы имеем здесь конструктивно-интеграционный процесс - параметры порядка, которые подчиняют и внешне представленные подсистемы и внутренние особенности психических состояний» [4].

Однако все разговоры о *сложностном субъекте* или *наблюдателе* все еще требуют более тщательных проработок, и, возможно, одним из направлений соответствующих размышлений является осмысление особенностей субъекта, осуществляющего многомерные мыслительные практики

Субъект многомерных мыслительных практик

К сожалению, попытки зафиксировать многомерный мыслительный акт и роль субъекта в его организации с помощью существующих в настоящее время в языке слов ведут к определенному огрублению того, что по своей сути является значительно более сложным. Во-первых, и этот факт необходимо особо подчеркнуть, когда мы говорим о мышлении, следует понимать, что оно представлено, скорее всего, принципиально различными видами мыслительных практик (правомерность использования в данном случае родо-видового деления может оказаться тоже не совсем верным, но пока, других, более точных категорий, позволяющих зафиксировать видовые различия в *сложности*, не существует). В процессе мышления могут быть одновременно активизированы различные виды мыслительных практик, при этом доминировать может один или несколько. В настоящий момент процессуально разработан только вид формально – логического мышления. Все остальные разновидности мыслительных актов пока еще только осторожно именуются. В результате появляются интуиции о *спонтанном, нелинейном, сложностном, комплексном, символическом, фракционном, многомерном* и других способах мышления. В контексте отмеченного весьма актуальными кажутся следующие слова Э. Морена: «Реформа мышления представляет собой ключевую антропологическую и историческую проблему. Никогда в истории человечества ответственность за мышление и за культуру не имела такого решающего значения, как сегодня» [7, с. 41]. И далее: «Мы можем погибнуть от недостатка солидарности. Но мы также погибнем без реформы мышления» [7, с. 94].

Реформа мышления, на наш взгляд, должна начаться с понимания «видовой» множественности мыслительных практик. И здесь следует заметить, что отмеченная множественность во многом предопределена онтологической многомерностью (многомерностью первого рода).

Следующий реформаторский шаг, скорее всего, должен быть связан с проведением последовательного анализа *именований* новых видов мышления. Вероятнее всего, что далеко не все именованья, появляющиеся в современной литературе, являются удачными и будут использоваться в дальнейшем, но внимательное рассмотрение первых интуитивно схваченных названий должно способствовать практическому началу реформирования мышления.

Многомерное мышление, в том виде, в котором мы сейчас его понимаем, не следует торопиться причислять к одному из видов мышления. Корректно пока можно говорить о многомерных мыслительных практиках, играющих важнейшую роль в интегральном процессе мышления. Многомерная мыслительная практика, осуществляемая многомерным когнитивным субъектом, направлена, в первую очередь, как уже неоднократно отмечалось, на фиксацию авторских локальных пространств смысла. Важнейшая ментальная операция *различения* при этом предполагает обнаружение и фиксацию локальных авторских смысловых пространств. Следующим шагом многомерного мыслительного акта является проявление в каждом *локальном пространстве терминологического базиса*, способствующего последующей работе со смыслами. Шаг третий предполагает проведение смыслооперационных действий по выявлению ключевых для соответствующих локальных пространств смыслов. И наконец, кульминацией многомерного мыслительного акта оказывается возникновение новых смыслов, важных для собственного локального смыслового пространства, в которое возвращается многомерно мыслящий субъект.

Представленный вариант описания многомерного ментального акта является чрезвычайно грубым, в первую очередь, по причине того, что это описание выполнено в линейной парадигме времени. Скорее всего, отмеченные процедуры, происходят в совершенно разных темпоральностях. К примеру, выявление различных элементов терминологического базиса, сопровождающееся множеством спонтанных редукций, «высеивающих» специальные термины, происходит параллельно во времени (линейном времени) с операциями смыслопроявления а, возможно, и «подтягивания» других авторских пространств смысла. Сам субъект, организующий многомерный мыслительный акт, может одновременно участвовать в других видах мыслительных практик, находясь при этом в постоянных изменениях. Однако его главной отличительной особенностью является актуализирующаяся *многомерность*. Эту многомерность можно понимать, как уже отмечалось, как многомерность первого и второго рода. Многомерность второго рода позволяет обнаруживать множество достаточно различных локальных смысловых пространств. Многомерность первого рода дает возможность познающему субъекту одновременно «включать» (задействовать) различные онтологические уровни в процессе когнитивного акта. К сожалению, отмеченные способности пока в большей мере являются потенциальными. Возможности многомерного различения пока еще только предчувствуются, но уже сейчас можно предположить, что в оперировании локальными смысловыми пространствами когнитивный субъект многократно подсознательно осуществляет иерархизацию смыслов. Подобная иерархизация оказывается возможной, в первую очередь, благодаря многомерной (уровневой) развертке субъекта. Для более глубокого понимания отмеченного необходимо, по крайней мере, специальное прояснение терминов *уровень, план, мерность*, но это уже тема другой работы.

Из всего отмеченного можно заключить, что субъект, осуществляющий многомерные мыслительные практики, может быть назван и *сложностным субъектом* и *наблюдателем*, проводящим в рекурсивном режиме свои непрерывные рефлексии. При любом названии отличительной особенностью многомерного (сложностного) субъекта (наблюдателя) является *процессуальная включенность*, позволяющая осваивать *сложностность*.

Заключение: сложностность и многомерность

Небольшая нанолингвистическая операция, превратившая слово *сложность* в *сложностность* оказалась ключом, открывающим путь к формированию принципиально иного взгляда на окружающую реальность. Эта возможность открылась человеку во многом благодаря многомерному *вырастанию* и многомерному *прорастанию*, связанному с освоением многомерности. Взгляд наблюдателя перемещается с созерцания *стабильных форм*, находящихся, пусть даже в сложном сцеплении и взаимодействии, к *переживаемому* созерцанию *непрерывающейся процессуальности*. Мир предстал как непрерывное становление. Развертывающиеся картины провоцируют ситуации ментального шока, ментального «захлебывания». Именно по этой причине и возникают мысли о необходимости немедленного реформирования мышления, ведь неожиданно раскрывшееся может также случайно и «схлопнуться», если прилагаемые когнитивные усилия окажутся недостаточными.

Мы переживаем времена необходимости принципиального переосмысления всего привычного когнитивного аппарата, времена становления *сложностной методологии*, в которой может найтись место и представлениям о *когнитивной карте, когнитивных кластерах* и многому другому. Термин *сложностность* – это не лингвистический курьез, не попытка праздных философов затуманить взгляд обывателя, это слово, утверждающее и маркирующее фундаментальный прорыв, который совершило человечество, обретающее многомерность.

И, наконец, играя словами *многомерность* и *сложностность* можно сложить совершенно невероятный лингвистический паззл: *многомерность* это ключ к освоению *сложностности* или это то, что сложнее *сложности изощренной*.

Литература

1. Алюшин А. Л., Князева Е.Н. Наблюдение и собственная темпоральная структура реальности / А. Л. Алюшин, Е. Н. Князева // Вопросы философии. – 2007. – № 9. – С. 81–96.
2. Аршинов В.И. Синергетика конвергирует со сложностью / В.И.Аршинов // Вопросы философии. – 2011. – №4. – С. 78-84.
3. Аршинов В.И. Рефлексивно-активные среды инновационного развития в контексте синергетики сложности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://spkurdyumov.narod.ru/arshhhhhhhiiiiinnn.htm](http://spkurdyumov.narod.ru/arshhhhhiiiiinnn.htm)
4. Аршинов В.И. , Буданов В.Г. Роль синергетики в формировании новой картины мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-198731.html>
5. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – 372
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато / Ж. Делез, Ф. Гваттари; [пер. с фр. Я.И.Свирский]. – У-Фактория, Астрель, 2010. – 895 с.
7. Морен Э. К пропасти? / Э. Морен; пер. с франц. Г. Наумовой. – СПб.: Алетейя, 2011. – 136 с. – (Gallicinium).
8. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А.Ребера, 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/klaster>).
9. Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс; [пер. с англ. Ю.А. Данилова]. — М. : Прогресс, 1986. — 432 с.